

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х95

Хруцкий, Эдуард Анатольевич.

Х95 Приступить к ликвидации / Эдуард Хруцкий. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Военные детективы Эдуарда Хруцкого).

ISBN 978-5-04-206175-2

Зима 1943 года. Во время перестрелки с милицией на Патриарших прудах убит молодой уголовник. Помимо дежурной финки и тетрадки с блатными песнями при нем обнаружены металлические пластинки, на проверку оказавшиеся литерами типографского шрифта. Начальник отдела по борьбе с бандитизмом Иван Данилов выдвигает версию, что таким образом уголовники самостоятельно подделывают дефицитные продуктовые карточки. Но очевидно, что это только часть преступного замысла. А что потом? Серия громких происшествий, последовавших вскоре, подсказала сыщикам, что за страшный план вынашивали головырезы...

В сборник также вошла повесть «Страх».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-206175-2

© Хруцкий Э.А., 2021
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

**ПРИСТУПИТЬ
К ЛИКВИДАЦИИ**

Москва. Январь

Дверь на чердак была закрыта. Здоровый замок сорвать можно только ломом, да и то не сразу. А лома у него не было и времени тоже: милиционер гремел сапогами этажа на два ниже.

Он стоял, прислонясь спиной к двери чердака, и по его лицу текли слезы. Он слизывал соленую, тепловатую влагу и быстро-быстро говорил про себя: «Боженька, миленький, если ты есть. Пусть он повернет обратно. Боженька, миленький, сделай так, чтобы он меня не увидел».

Он никогда не молился раньше, но слышал, как эти слова часто повторяла баба Настя. Она была рыжая и добрая и покупала ему сладких петушков на палочке.

Пистолет ходуном ходил в руке. И сейчас только он мог спасти его, только он и имя боженьки, которое когда-то повторяла баба Настя.

— Слышь, Потапов, — крикнул снизу второй милиционер, — нашел?

— Да нет, пойду на чердак.

Луч карманного фонарика полоснул по ступеням чердачной лестницы и медленно начал подниматься.

«Боженька, миленький...»

Свет фонаря ударил ему в лицо. Он закричал и надавил на спусковой крючок. Выстрел ударил гулко, пистолет чуть не выпрыгнул из руки, а он все давил и давил на спуск. А потом бросился вниз по лестнице, повторяя про себя:

«Боженька, милый... Боженька, милый...»

Старший патруля сержант милиции Шукаев

Выстрел ударил неожиданно, потом кто-то пальнул еще три раза. Шукаев выдернул наган из кобуры и бросился вверх по лестнице. Навстречу ему бежал человек. В лунном свете, падающем из окна, мертвенно-желтом и зыбком, его фигура показалась сержанту неестественно большой.

— Стой! — крикнул он.

Вспышка выстрела на секунду осветила лестницу, и пуля, ударившись о ступени, ушла куда-то, противно взвизгнув. Шукаев поднял наган, срезая бегущего, как птицу влет, и выстрелил два раза.

Человек упал. По ступенькам простучало оружие.

Шукаев зажег фонарь и, держа наган наготове, начал подниматься по лестнице. На площадке лежал пистолет системы Коровина, сержант поднял его, сунул в карман. Он прошагал еще один марш и увидел маленькую, словно сжавшуюся в комок, фигурку в ватнике и хромовых, сдавленных в гармошку сапогах.

Шукаев перевернул убитого и увидел мальчишеское лицо, заплаканное и грязное.

— Как же так, — у него оборвалось сердце, — как же так.

На ступеньках лежал убитый мальчишка. Он был совсем пацан, несмотря на полоску тельняшки, высовывающуюся из-под ватника, несмотря на мерцавшую в полуоткрытом рту золотую коронку — фиксу.

Шукаев поднялся на чердак. На площадке горел упавший фонарь, у стены, прислонясь к ней спиной, сидел его напарник Потапов. Пуля вошла прямо между бровей, сделав во лбу тонкий длинный надкол.

Шукаев сбежал вниз и застучал в дверь. Он колотил ее кулаками, потом сапогом, долго и безуспешно.

Наконец сдавленный голос спросил:

— Кто?

— Милиция, — чуть не плача от злости, крикнул сержант.

— А как я узнаю, что здесь милиция?

— Я себя фонарем освещу.

Шукаев повернул луч фонаря в свою сторону.

Наконец за дверью послышался лязг запоров, и она приоткрылась на длину цепочки.

— Чего вам?

— Телефон есть?

— Да.

— Пустите позвонить.

Дверь распахнулась. Шукаев мимо шарahnувшегося в сторону жильца ворвался в коридор. Луч фонаря сразу нашел висящий на стене телефон. Сержант поднял трубку, набрал номер.

Никитин

Никитин чистил сапоги. Новые, хромовые, полученные сегодня утром. Он выменял на две пачки папирос у одного жмота из БХСС баночку черного эстонского крема для обуви и наводил на сапоги окончательный блеск.

Зашел помощник дежурного Панкратов, посмотрел, хмыкнул и посоветовал:

— Ты, Коля, потом возьми сахарный песок, растопи его и смажь сапоги, так они как лакированные блестять будут.

— Врешь?

Панкратов выставил через порог ногу в ослепительно блестящем сапоге.

— Вещь, — с восторгом сказал Никитин, — без зеркала бриться можно.

— А ты — врешь, — засмеялся довольный эффектом Панкратов, — благодарить будешь всю жизнь.

— Буду, Саша, точно буду.

Никитин полез в стол, достал последнюю пачку пайковых папирос, распечатал и протянул Панкратову:

— Угощайся.

Панкратов тяжело вздохнул.

— Завязал я с этим, Коля, мертвым узлом.

— Почему?

— Легкие.

Никитин закурил, сочувственно глядя на Панкратова. Сам он, даже после двух ранений, ощущал постоянно свою силу и молодость.

Утром его вызвал Данилов.

Идя к начальнику отдела, Никитин с тоской думал о том, что Данилов опять начнет вынимать из него душу за плохо оформленные документы. Никитин не любил никаких служебных бумаг. Один вид чистого бланка протокола повергал его в бесконечное уныние. За ним накопился некоторый должок. Надо было написать пару запросов и требований на экспертизу. Лейтенант шел по коридору, и чем ближе он подходил к кабинету Данилова, тем хуже у него становилось настроение.

Начальник ОББ¹ читал какой-то документ. Одет Данилов был в старую форму со споротыми петлицами.

— Присядь, — кивнул он Никитину.

Черкнув резолюцию в углу документа, Данилов поднял голову и посмотрел на Никитина.

Он молчал несколько минут, мучительно вспоминая, зачем вызвал. Потом хлопнул ладонью по лбу.

— Слушай, Никитин, сегодня очередь нашего отдела получать новое обмундирование. Я договорился на веще-

¹ Отдел борьбы с бандитизмом.

вом складе, что вы с Самохиным подъедете и получите на всех. Съезди, пожалуйста. Машину я дам.

— Слушаюсь, Иван Александрович.

Никитин был готов ехать куда угодно, лишь бы не заниматься проклятущими бумагами.

Приказ о переходе на новую форму одежды объявили в начале января; часть сотрудников красовалась в коридорах Петровки в синих, почти морских кителях с узкими серебряными погонами, а остальные ходили еще в форме с петлицами.

На вещевом складе им согласно арматурной ведомости накрутили здоровенные узлы. В управлении они с Самохиным разносили узлы по кабинетам. И Никитин занялся приятным делом: начал приводить в порядок обмундирование. Сегодняшнее дежурство было спокойным, и он успел выгладить новую форму, нацепить погоны. Узенькие, серебряные, с синими просветами.

Вроде все было сделано, и Никитин надраивал сапоги. Он принял к сведению совет Панкратова и решил из завтрашней пайки непременно часть сахара пустить на лакировку сапог. Достал из стола Муравьева зеркало, погляделся и остался доволен.

Теперь оставалось самое сложное — пришить погоны к светлому офицерскому полушубку, предмету зависти всех сотрудников ОББ. Никитин добыл его под Тулой, когда командовал взводом полковой разведки. После ранения ребята принесли полушубок в госпиталь. С ним Никитин и пришел в 1942 году в МУР. Он прикрепил погоны, надел полушубок, перепоясал его ремнем с портупеей. Жаль, что зеркало было маленьким и не мог себя видеть лейтенант Никитин во всей красе новой формы. Жаль.

Он начал расстегивать ремень, и в это время зазвонил телефон.

— Ты на хозяйстве? — спросил дежурный по городу.

— Я.

— Давай, Коля, в машину. Эксперт уже там.

— А что случилось?

— На Патриарших милиционера убили.

Никитин схватил шапку и сбежал по лестнице. У дверей стоял муровский автобус. Лейтенант открыл дверь и уселся на сиденье рядом с кабиной.

— Здорово, орлы, — крикнул он, — не вижу вас в темноте. Кто едет-то?

— Проводник Смирнов.

— А, это ты, Мишка. Опять твоя золотушная собака след потеряет.

— Вы полегче, товарищ лейтенант. Найда у меня все понимает. И, между прочим, имущества она вернула людям побольше, чем некоторые в вашем ОББ.

— Хватит ссориться, — вмешался Павел Маркович, один из лучших экспертов НТО¹.

И Никитин обрадовался, что едет именно с ним. Он-то знал, как умеет работать этот маленький худенький человек.

— Поехали, — приказал он шоферу.

Автобус, надсадно ревя мотором, поехал по бульварам, свернул на Малую Бронную и через несколько минут остановился у большого мрачного дома. Рядом с подъездом подпрыгивал от холода милиционер. Никитин открыл дверцу, выскочил из автобуса. Морозный ветер полоснул по лицу хлопьями снега.

— Товарищ начальник, — милиционер шагнул к нему, приложив руку к ушанке, — старший патруля сержант Шукаев.

— Ну что у тебя, Шукаев?

¹ Научно-технический отдел.

— Напарника бандюга застрелил, потом в меня пальнул, ну я его... и...

Милиционер замялся.

— Застрелил, что ли? — подсказал ответ Никитин.

— Так точно.

— Ну и правильно сделал, дорогой товарищ Шукаев, а то они нас стреляют почему зря, а мы что, рыжие?

— Так дело-то в том...

— В чем дело?

— Пацан он совсем.

— Это самые что ни на есть вредные гады, приבלатенные пацаны. Бандит или вор, тот с пониманием, зря стрелять не станет, а эти палят напропалую. Веди.

В подъезде после улицы было даже тепло.

— Где?

— Наверху.

— А этажей сколько?

— Восемь.

Никитин присвистнул. Светя фонарями, они поднялись на шестой этаж и увидели первый труп. Эксперт включил аккумуляторный фонарь, яркий сноп света вырвал из темноты лестничный марш и маленькую фигурку в ватнике, лежащую у перил.

— Н-да, — сказал эксперт, — действительно совсем пацан.

Никитин увидел залитую кровью тельняшку в вырезе ватника, сапоги-прахоря, кепочку-малокозырку, валяющуюся рядом.

— «Пацан», — передразнил он эксперта, — такой в сто раз опаснее.

Никитин наклонился, похлопал убитого по смятым голенищам.

— Вот она где, — сказал он довольно, вытаскивая из сапога финку.

— Сволочи они и есть сволочи. До чего же война этих блатников развела. Страшно подумать. Пистолет где?

Шукаев протянул ему «ТТ».

— Три патрона осталось. Где он ствол-то взял? — Никитин отдал оружие эксперту.

— Посмотрим, посмотрим. — Павел Маркович спрятал пистолет в свой бездонный чемодан. — Баллисты отстреляют, тогда точно скажем, что это за оружие.

Никитин перевернул убитого, расстегнул ватник. Пиджак и тельняшка пропитались кровью. Одна пуля попала в бок, вторая прямо в сердце.

— Хорошо стреляешь, Шукаев, — сказал Никитин.

Видимо, в голосе офицера сержанту послышалась осуждение, и он заговорил торопливо и сбивчиво:

— Да разве... знал я, что ли, товарищ лейтенант... Бежит он на меня... Стреляет...

— Да ты не пыли, не пыли, сержант, действия твои расцениваю как правильные.

Шукаев ничего не ответил, вздохнул тяжело.

— Да разве в этом-то дело...

— А в чем? — рассмеялся Никитин. — Ты, сержант, антимионии не разводи. У него при себе пистолет и финка. — Никитин продолжал обыскивать убитого. Из внутреннего кармана он вытащил сброшюрованные листочки бумаги, какие-то снимки и тонкую пачку денег.

— Посвети-ка, — повернулся он к Шукаеву.

На твердой картонной обложке красной тушью было написано: «Блатные песни».

Никитин раскрыл книжку-самоделку.

Проснешься утром — город спит,
Не спит тюрьма — она уже проснулась.
А сердце бедное так заболит,
Как будто к сердцу пламя прикоснулось, —

прочел он вслух. — Ишь ты. Сочинение. — Он листал страницы.

— Оригинальная поэзия, — сказал спустившийся с чердака Павел Маркович, — такие книжечки на Тишинке из-под полы продают.

Никитин сунул книжечку в полевую сумку, повернул к свету фотографии и присвистнул.

— Тьфу, порнография, где только пацаненок этот достал блевотину такую.

— Не где достал, милый Коля, — перебил его Павел Маркович, — а кто ему дал, вот в чем вопрос. Что еще нашли?

— Только ключи от квартиры.

— Любопытно, ключ есть, а двери нет. Неужели никаких документов?

— Никаких, если не считать этого. — Никитин взял фонарь и направил луч на безжизненно лежащую руку.

Беловатый конус света вырвал из темноты синие буквы татуировки на тыльной стороне ладони: «Витек», перстень, выколотый на безымянном пальце, и могилу с крестом.

— Видите, поперечина на кресте косая? — спросил Никитин эксперта.

— Вижу.

— Это значит, что он в блатную жизнь принят, но еще не в «законе». Как первый срок отмотает, еще одну поперечину наколет, тогда, значит, полным «законником» стал. Вот, Павел Маркович, какие у него документы.

Эксперт молчал, разглядывая руку убитого.

— Слушай, Шукаев, теперь расскажи, как дело было.

— Мы его на сквере заметили, — начал сержант.

— Где именно?

— У павильона.

— Одного?

— Вроде.

— Вроде или точно?

— Точно одного. Окликнули. Он бежать. Мы за ним. Он в подъезд.

— У него ничего в руках не было?

— Вроде сумка или мешок какой.

— Шукаев, — Никитин достал папиросу, — ты в милиции сколько лет?

— С тридцать девятого. А что?

— А то, друг Шукаев, пора бы отработать память.

Сержант молчал, потом топнул валенком.

— Был у него мешок, точно был. Он ему мешал в дверь войти.

— Вот это горячее. — Никитин перекинул папиросу из одного угла рта в другой. — Ты лестницу осмотрел?

— Так точно!

— Ну?

— Не заметил. Будем искать?

— А зачем нам надрывать, у нас техника есть. Смирнов, давай Найду.

Собака вспрыгнула на площадку. В свете фонаря глаза ее горели синеватым огнем. Она подняла лобастую морду, посмотрела на Никитина, и ему стало не по себе от этого диковатого взгляда.

— Ищи, Найда, ищи, — скомандовал проводник.

Овчарка потопталась на месте и потянула повод. Она добежала до последнего этажа, стала лапами на дверь шахты лифта и гулко залаяла.

— Ну-ка, убери ее, — отдуваясь, приказал Никитин. Бегать по этажам в полушубке было тяжело и жарко.

Проводник оттянул рычащую собаку, и Никитин распахнул дверь шахты. Мертвая кабина застыла здесь на многие годы.

Никитин посветил фонарем и увидел брезентовую сумку, валявшуюся в углу. Он вошел в кабину, нагнул-

ся, расстегнул пряжку, направил фонарь внутрь. В сумке насыпью лежали патроны к пистолету «ТТ» и нагану, несколько пачек папирос «Совет юнион» и какие-то металлические пластинки.

Никитин взял одну и увидел не то буквы, не то цифры, выбитые на конце.

— Это типографские литеры, — сказал за его спиной эксперт.

— Шрифт? — переспросил Никитин.

— Да.

— Зачем он ему?

— Приедем на Петровку, узнаем, что сложить из этих букв можно.

— Ну что ж, вызывайте перевозку, — скомандовал Никитин, — убитых на экспертизу, а мы по домам. Ты, Шукаев, с ними поедешь, рапорт напишешь.

Данилов

Утром его вызвал начальник МУРа: позвонил по телефону сам и голосом, не терпящим возражений, коротко бросил:

— Зайди.

Данилов вздохнул, закрыл старое дело бандгруппы Пирогова, которое изучал уже второй день, интуитивно чувствуя какую-то невидимую связь между тем, чем он занимается сегодня, и бандой Пирогова, и пошел к начальству.

Бессменный помощник начальника Паша Осетров, затянутый в синий новый китель, покосившись на краешки ослепительно блестящих погон, кивнул Данилову на дверь:

— Ждет, товарищ подполковник.

Слово «подполковник» Паша произнес с осуждением, покосившись на гимнастерку Данилова со споротыми петлицами.

Начальник стоял посреди кабинета, новая форма делала его моложе и стройней.

— Ну что у тебя, Иван?

— Все то же самое.

— Так и прикажешь докладывать руководству?

— Пока я ничего конкретного сказать не могу.

— Так. — Начальник начал раскачиваться с пятки на носок. — Так, — еще раз повторил он, — хоть что-то у тебя есть?

Данилов посмотрел в окно. По заснеженной Петровке метель гнала редких прохожих. Он помолчал, достал папиросу, прикурил.

— Не знаю, товарищ начальник, не знаю, так, слабые наметки.

— Садись, — начальник опустил в кресло, — сейчас Серебровский зайдет, помозгуем втроем.

Данилов посмотрел на ладную, подтянутую фигуру начальника МУРа и вспомнил, как тот в мае сорок первого рассказывал ему о диете, на которую сел, чтобы похудеть.

— Ты еще смеешься, Иван?

— Да вспомнил, как ты на диету садился перед войной.

В редкие минуты, когда они оставались вдвоем, Данилов и начальник МУРа по-прежнему были на «ты», как в те далекие годы, когда совсем молодыми пришли в уголовный отдел ВЧК. С тех пор они шли по жизни рядом, и Данилов совершенно не завидовал тому, что его друг внезапно из начальника отдела стал руководителем МУРа.

— Жизнь, Ваня, у нас с тобой почище, чем в санатории «Мацеста»...

Начальник недоговорил, дверь распахнулась, и в кабинете появился полковник Серебровский — стремительный, цыганисто-красивый и всегда веселый.